31 марта — сб

31.03.2004

Мотыль Владимир

Владимир Мотыль: Деньги на новый фильм мне дали Абрамович и Дерипаска

Я обращался с просьбой об интервью к Мотылю, снявшему кинохит «Белое солнце пустыни», несколько раз в течение года и неизменно получал отказ: «Сколько можно говорить о старых работах? Будут деньги на новый фильм, тогда поговорим». Похоже, они нашлись, потому что, позвонив мэтру в очередной раз, я наконец услышал: «Приезжайте!» «Белому солнцу» в этом году — 35 лет, и лучшего повода для встречи придумать нереально.

На съемках «Белого солнца»: молодой Мотыль (слева) объясняет Мишулину, что в кадре курить будет нельзя

«Собеседник» первым вывел меня из тени

— Владимир Яковлевич, после долгого молчания вы наконец согласились на интервью. Дали слабину?

— Конечно, нет. Во-первых, тронула ваша несгибаемая настойчивость. Вы звонили мне так регулярно, что я понял: ваш интерес неслучаен. К тому же «Собеседник» в тяжелые для меня времена двадцать лет назад первым опубликовал большое интервью со мной под выразительным заголовком «Под солнцем, но в тени». До этого в советской прессе меня замалчивали. Обвальный успех «Белого солнца» глубоко задел моих титулованных коллег. Да и чиновников раздражал мой нонконформизм: я всегда уходил от идеологических схем, на которые были падки многие деятели советского кино. Они получали от власти неплохие подачки за послушание, а я не брался ни за одну конъюнктурную советскую тему. Чтобы выбить себе хоть относительную независимость, я в кино никогда и нигде не служил. То есть надо мной не было начальников с кнутом и пряником и парткомов. Увы, страдала моя семья. Приходилось скитаться по белу свету в поисках заработка. Привычка к перемене мест с годами стала моим хобби. Паузы между фильмами достигали четырех лет — мои затеи заваливали одну за другой. А льготы-«пряники», которыми подкармливались большинство коллег: бесплатная квартира, льготная дача, авто вне очереди, загранкомандировки, участие в кинофестивалях — все это было не для меня. Киночиновников раздражало, когда кто-то осмеливался противиться их рекомендациям. Иной раз удавалось их перехитрить. А советский чиновник был злопамятен и мстителен. Один из них, далеко не худший, сказал мне однажды: «Ну что ты обижаешься, я же цепной пес коммунизма. За это и кормят...»

Любви Сухова к Катерине в сценарии не было — ее Мотыль придумал

— Недавно вы вернулись из Англии с международного фестиваля вестернов, где был представлен ваш хит «Белое солнце пустыни». Не пытались посчитать, какой это по счету фестиваль, где участвовала ваша знаменитая картина?

— Первый...

— Вы шутите?!

— Ничуть! Какие фестивали? Мою картину всячески «оберегали» от наград. Даже к отечественным фестивалям не подпускали, не говоря уже о международных. Кстати, «Белое солнце» вообще должны были «положить на полку». Помог случай: фильм попал на дачу Брежнева и безумно понравился генсеку.

Почему так и не сняли «Белое солнце-2»

— Сценарист «Кавказской пленницы» Яков Костюковский как-то уверял меня, что «Кавказская пленница» вышла в прокат тоже благодаря Брежневу. Это не кинематографические байки?

— Нет, Брежнев действительно смотрел новые картины в кругу семьи. Не как генсек, а как обыкновенный зритель... В начале семидесятых один из работников «Совэкспортфильма» спрашивает у меня: «Слушай, у тебя есть негативы «Белого солнца пустыни?» — «Откуда? Да и зачем вам?» — «Да Брежнев летит в США на встречу с Рейганом и сам вписал твой фильм в список тех, которые порекомендовал Союз кинематографистов в культурную программу!» Словом, как-то выкрутились они — отпечатали комплект за ночь. Картину показали в Штатах с отличной прессой.

— Говорят, что снимать фильм по сценарию «Пустыня» отказывались последовательно Кончаловский, Чулюкин, Жалакявичюс и даже Тарковский?

— Я и сам от него дважды отказывался. Сценарий был сырой. Но взяла за горло «костлявая рука голода». Я, безработный после «Жени, Женечки и «катюши» (на фильм был навешен ярлык «безыдейный подход к войне»), влез в кошмарные долги. Пришлось шевелить мозгами. В процессе работы я переписал более половины первоначального сценария. Заново прописал характер Верещагина. Став таможенником, из роли второго плана этот герой поднялся вровень с Суховым. Придумалась и любовь к Катерине Матвеевне, которой в сценарии не было. Попросил Марка Захарова написать письма Сухова.

— Знаю, что в середине девяностых был решен вопрос о съемках «Белого солнца пустыни-2». Телеканал РТР с подачи тогдашнего премьера Виктора Черномырдина уже был готов его профинансировать. Почему проект так и не воплотился в жизнь?

— По причинам как моральным, так и материальным. Главная — нечистоплотность сценаристов Ежова и Ибрагимбекова. Я придумал тогда насыщенную приключениями новую историю Сухова и Саида спустя двадцать лет после событий фильма. Там возникал даже Абдулла (жены после ухода Сухова выходили его, тяжелораненого)...

Когда под сочиненный мною сюжет и перспективу моей постановки в РТР пожелали заключить сценарный договор, я предупредил обоих сценаристов: «Готов сотрудничать лишь как равноправный соавтор». Согласившись на словах, они впоследствии утаили от меня солидный аванс, полученный от РТР. Мог ли я иметь дело с обманщиками? Но, очевидно, драматурги свыклись с тем, что в прошлом задарма пользовались моим трудом. Сочинители далеко не лучшего своего сценария «Пустыня» словно забыли о моем фактическом участии в драматургии. Они широко пользовались все последующие годы сочиненными мною сценами и крылатыми фразами. Печатали то повесть того же названия, то пьесу для мюзикла...

— Раскройте загадку, почему вообще режиссеры частенько конфликтуют со сценаристами? Владимир Меньшов, например, судился с Валентином Черныхом по поводу фильма «Москва слезам не верит».

— Во всем мире автором картины считается режиссер, но советские надсмотрщики отдавали приоритет сценаристам. В титрах и афишах советских лет сперва идут авторы сценария, а уж потом режиссер. Печатный текст сценария проштамповывался цензурой. Драматурги вместе с редакторами наделялись правом контроля за режиссером. Когда режиссер начинал уж очень своевольничать, его легко было, сличив тексты, прищучить или заменить послушным.

Кстати, неслучайно, когда вспыхнул мой конфликт с «Мосфильмом» по поводу «Белого солнца пустыни», Ежов встал на сторону тех, кто требовал убрать меня с постановки. Одним из главных аргументов было негодование Ежова, что я переписал роль Верещагина, превратив его в богатыря-таможенника, и взял на роль «никудышного артиста» Луспекаева. В итоге фильм был приостановлен и моя судьба висела на волоске.

— Что же вас тогда выручило?

— Помог мой приятель по фамилии Спицын, который оказался фронтовым другом зампреда Госкино Владимира Баскакова, заявившего: «Пока я сижу в своем кресле, Мотыль снимать не будет!» В итоге Спицын был назначен спецредактором «Белого солнца пустыни» и отправился в Туркмению. Оттянулся он там по полной программе: целыми днями пил и на съемочную площадку в пустыню заглянул лишь раз. Приехал, покрутил головой, сказал: «Жарко тут у вас...» При этом в отчетах он постоянно сообщал Баскакову, что я снимаю «правильную» картину.

— Почему за сорок лет работы в кино вы сняли всего девять фильмов?

— Если бы брался за идеологические картины, наснимал бы кучу. А так мои фильмы чиновники презрительно именовали «абстрактно-гуманистическими». Космонавты трижды выдвигали «Белое солнце пустыни» на Госпремию. И всякий раз картину проваливали мои коллеги-режиссеры. Ревность и раздражение за многолетний успех не исчезли и в постсоветское время.

Мне никогда не удавалось снять убыточное кино

— Владимир Яковлевич, вам перечисляют хоть какие-то деньги за показ ваших картин по телевидению?

— Хронический бандитизм в области авторского права в России незыблем. Цивилизованные правила установил лишь возглавляющий «Мосфильм» Карен Шахназаров. А вот «Ленфильм» продал Владимиру Досталю коллекцию художественных фильмов, снятых на государственные деньги. От этого дельца от кинематографа, кроме комбинации из трех пальцев, я ничего уже не жду. Увы, треть моих картин — «Звезда пленительного счастья», «Женя, Женечка...», «Лес» — снята именно в Питере...

— С тех пор как вы сняли «Несут меня кони» на основе произведений Чехова, прошло семь лет. С чем связан такой долгий простой?

— Прежде всего с господством моды на чернуху, эпатаж и жестокость в нашем кино.

— Но вы же за это время получили два президентских гранта и еще один — от Фонда Сороса...

— Это были гранты лишь на создание сценариев, а не на постановки.

— О чем были сценарии? Куда они подевались?

— Две исторические темы из эпохи декабристов были явно неподъемны. А третий сценарий художественно-документального телефильма «Смертельная дружба», рассказывающий о взаимоотношениях Сталина и Кирова, был вполне малобюджетным, но ни один из телеканалов им не заинтересовался.

— А в советские времена разве все ваши предложения воплощались в жизнь?

— Конечно, нет. В прошлом у меня не менее тридцати сценарных заявок, в том числе несколько готовых сценариев. Я не зацикливался на чем-то одном, чтобы обязательно «пробивать лбом стену». Когда отклоняли очередной сценарий, я расстраивался, конечно, но быстро переключался на другую тему. Люблю слова Марка Твена: «Счастливый случай стучится в двери каждого. Только мы сидим в соседнем кабачке и не слышим стука». Так вот, я в кабачках не сидел, использовал малейший шанс, когда он подворачивался.

— Поскольку вы откладывали интервью из-за неопределенности с вашим новым проектом, то я понял, что теперь его перспективы прояснились?

— В основном да. Слава Богу, судьбу проекта нынче решает не киноэлита, а деньги. А поскольку «ничто человеческое не чуждо» не только Карлу Марксу, но и некоторым нашим олигархам, мне удалось встретиться с Олегом Дерипаской. Он пообещал помочь и слово сдержал — приличную безвозмездную сумму выделил. Чуть позже к проекту присоединилась «Сибнефть» Романа Абрамовича. А экспертная кинокомиссия Министерства культуры в результате конкурса, в котором принимало участие несколько сот сценариев, присудила в числе дюжины бюджетное финансирование и мне. Так что скоро надеюсь приступить к подготовке кинопроизводства. Условное название картины «Багровый цвет снегопада».

— О чем будет новый фильм?

— Эйнштейн как-то выразил формулу успеха: «Труд, игра и умение держать язык за зубами». Не хочу заранее раскрывать сюжет. Могу лишь сказать, что действие охватывает период с 1916 по 1926 год. Об этом времени в нашем кино было слишком много вранья. Опираюсь на малоизвестные документы тех лет. Но бурные события истории — лишь фон, как это было и в «Звезде пленительного счастья». Героиня фильма за десятилетие переживает целых три ни в чем между собой не схожих романа. Событийная пружина картины парадоксальна. В ее судьбу вторгается не только колесо истории, но и фантастические перипетии любви, очарований, разочарований, падений и взлетов в поисках земного счастья.

После трех лет, затраченных на сбор материала, написание сценария и поиск денег, я счастлив, что в России вновь появляются богатые промышленники, думающие не только о сверхприбылях, но и готовые поддерживать культуру. Теперь дело моей чести отплатить спонсорам художественным уровнем фильма.

Режиссера (Мотыль на переднем плане) всегда окружают прекрасные женщины

фото Владимира Персинова

— Как я понимаю, бюджет вашей новой картины будет отнюдь не символическим. Вы считаете, реально «оправдать» фильм с бюджетом в несколько миллионов долларов в российском прокате?

— Думаю, реально. И не только в российском прокате... Сюжет моего нового сценария строится на общечеловеческих составляющих, одинаково значимых во всем мире. И не забывайте, что мне еще никогда не удавалось снять убыточное кино.

Алексей Белый.